

Провозвестия Павла Корина

Рос. вести. - 1993. - 22 мая. - с. 6.

Стояние

Некогда было сказано: «Когда трудно, когда грозно - крепче держите знамя вечности». В этой мысли - закон творчества великого художника России Павла Корина, выставка произведений которого открыта в Москве, в залах на Крымском валу

Галина КУШНЕРОВСКАЯ

Его жизнь вместила войны и революции, беспощадный террор, гибель миллионов безвинных жертв, гнет и ужас насилия, невиданного порабощения воли и - решимость, и стойкость, и мужество горящего творческого духа, оспособного противостоять натиску слепящего зла и вершить свое дело во имя истины и веры.

В его искусстве звучит Время - черты «бездны мрачной...», отверстой пророческому взгляду поэта. Бездна, полная света, сверкающих звезд над головой, и бездна мрака под ногами.

Здесь - час «последних», «крайних», по слову Достоевского, вопросов. Тех, что издревле, от священных книг пророков, от боговдохновенных псалмов, томят мятежный ум: «Что есть человек?», «Что есть свобода?», «Что есть бессмертное достоинство творца?»

Искусство Павла Корина дает свой ответ на эти вечные вопросы. И если автор «Записок из Мертвого дома» был уверен, что в день Страшного Суда человечество может положить перед собой как итог и оправдание книгу «Дон Кихот», то «Этюды» Корина к задуманной картине «Реквием» - не оправдание ли это России?..

Когда в мастерской на Большой Пироговской, бывало, стоишь перед этими выстроенными полусферой, монументальными, трагедийными полотнами, будто слышишь удары колокола - гули гром набата, вызывающий голос беды, скорби и плач, стон и боль. И еще - мужество обреченных. Достоинство непобедимых. Гимн дерзновенной воле, над которой не властна смерть. Откуда такая сила?

Становление Павла Корина может показаться загадкой. Общеизвестно, в 20-е годы он копирует фрагмент картины Александра Иванова «Явление Христа народу», пишет интерьеры акварелью, пейзажи маслом. И затем, сразу - исполинский взмах крыл,

высь заоблачная - «Реквием»! Но в этом начале и взлете есть несомненная логика и смысл. Есть неотвратимые знаки судьбы. Предвосхищения. Провозвестия.

«Копию Иванова сделал, а вот «вылезти» из-под громады - такой - как? Свою линию гнул...» Он вернулся к тому, что знал и любил с детства. Бережно переносил на бумагу форму и цвет дощатых стен, стропил, окон, печи, простого убранства крепко поставленной избы, где помнил каждую половицу. И снова, снова - неоглядные дали земли, силуэт колокольни, лес и поле, отчий край - Палех.

«Свою линию гнул» - летом 1928-го Павел Корин задумал создать эпический образ свободы и любви, пейзаж-картину «Моя родина». Уехал в Палех. Он был один на земле в то сквозное, холодное лето. И все открывал сам, и всему давал свое имя. Этюды к большому пейзажу «Моя родина» имеют самостоятельную ценность и власть непререкаемого свидетельства подъема творческого духа.

...Павел Корин вернулся из Палеха с решенной в карандаше композицией пейзажа-картины, с этюдами, с заполненными альбомами. И все отставил. Надолго. На 19 лет. Холст «Моя родина» закончен будет в 1947-м. Иной замысел властно томил, требовал исхода. В 1929-м в Москве, под крышей старого арбатского дома, будет написан портрет митрополита Трифона, положено начало трагедийной художественной эпопеи, вошедшей в историю искусства XX века под именем «Этюды» к ненаписанной картине «Реквием».

О зарождении замысла Павел Дмитриевич рассказывал так: «В 1925 году умер Патриарх Московский и Всея Руси святейший Тихон. На последнее прощанье с ним, к Донскому монастырю, пришла вся Русь. Был он в заключении, скончался при обстоятельствах неясных. Пришел к нему весь народ православный со всех концов земли. Там увидел я свою картину».

Что воплощало для россиян имя Патриарха Тихона? Чем было Слово его? Углем палящим и символом веры. В жесточайшее время расправ и гонений обращал к народу, к совести людской, святитель Тихон свои Послания. Бес-

страшно обличал, как проказу, «князей тьмы», большевистскую тиранию. Предал анафеме «властителей» за убийство царя Николая II и его семьи. «Взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая, и от меча погибнете сами вы, взявшие меч», - пророчествовал он. Умолял всех православных чад «не отходить от единственно спасительной настроенности, не сходить с пути крестного, ниспосланного на путь восхищения мирской силы или мщенья». Не поддаваться искушению. Побеждать зло добром.

Апостольское величие слов и судьбы Патриарха Тихона воссламили художника.

Есть портрет Павла Корина, написанный в 1925 году М.Нестеровым. Он по праву может быть прологом титанического замысла. В нем та же свобода и непреклонность, та же гордая стать осанки, что и у героев его «Этюд» в черной блузе с высоким воротом стоит молодой живописец, сжимая в руке палитру. Стоит очень прямо, спокойно, и - напряженно, как натянутая струна. Лицо озарено.

Чтобы во времена мучительной смуты оставаться собой, надо было иметь крепкое основание, на которое может опираться душа. Павел Корин был христианином. С младенческой поры видел он лица матери, отца, сестры и - лики святых на гладких еловых и липовых досках, что расписывали его отец и поколения палешан, дедов и прадедов, с XVII века. С ранних лет слышал колыбельные песни, и раскаты и звоны колоколов, и дивные песнопения палехского храма, что чаровали сердце и были живой вестью божественного присутствия на земле. «Все мое искусство - от песнопений», - скажет он через годы. И закончит школу иконописцев там же, в Палехе, и придет в Москву, следуя зову еще не ясного самому призвания,

В ИСТИНЕ

и на пути своем встретит людей подвижнической идеи.

Чем же были для него страшные будни террора, когда рушили храмы, сжигали иконы, уничтожали служителей веры? Потрясением и смертным ужасом, катастрофой, сокрушающей все, что свято. И еще - испытанием, которое надлежало претерпеть до конца.

За девять лет, с 1929-го по 1937-й, создана уникальная галерея монументальных портретов, явившая миру бесстрашную проповедь подвижников, гонимых и обреченных - тех, для кого не могло быть иной борьбы со злом, иной победы, кроме единственной - стояния в истине до конца. Россия в трагический час истории. Россия распята предстала...

Павел Корин писал отца Ивана - молодого священника из Палеха, поднявшего стремительным жестом крест над головой, и легендарную схимоигуменью Фамарь незадолго до ее кончины - образ, полный благородства и достоинства, не подвластных ни утратам, ни старости. Писал протодиакона Михаила Холмогорова в черном одеянии, стоящего, крепко сжав руки, грозно и неколебимо, будто высеченный в камне монумент, и юную монахиню с тонкими чертами почти прозрачного лица, с застывшей печалью светлых глаз из-под надвинутого клобука, нежную и робкую, зябким движением спрятавшую ладони в рукава длинного балахона. И поразившего крепостью, богатырской несломленной мощью, былинным разворотом плеч, головой мудрого старца, словно сошедшего с фресок величавых соборов Руси, патриарха рода реставраторов С.М.Чуракова. И сына его, задумчиво идущего рядом, чуть отступя. Писал архимандрита Никиту и митрополита Сергия в шитом золотом праздничном облачении. И нищего слепого, чутко ловящего перстами воздух. И безногого нищего с могучим торсом и широким сократовским лбом, изрезанным бороздами морщин.

В мастерской в час работы не был уверен художник, что сеанс повторится, что сможет прийти к нему снова стоящий перед ним живой человек. Есть портреты навсегда незавершенные, с незагрунтованным холстом фона. Таков портрет отца Сергия Успенского-старшего, ушелого седины, обеими руками поднявшего крест, - арестован, сослан, расстрелян. И создавал свои холсты Павел Корин как вечную память всем безвинно убиенным, удостоенным «мученического венца».

Он говорил: «Я взял тему такую - духовенство России. Это - протест мой против совершаю-

щегося. И я воплотил так, на свой страх и риск. Эти люди за свою веру стояли насмерть. Это исповедники, свое исповеданье запечатали смертью. Они уходили. Они боролись. Духом боролись единым. В руке игумена - крест. Он отдаст свой крест - вместе с жизнью. Их дух близок мне. Стойкость, убежденность, героизм. Это понимание той веры, которая два тысячелетия владела сердцами людей, которой посвящены и собор Парижской Богоматери, и соборы Шартра, и «Сикстинская Мадонна» Рафаэля».

В «Этюдах», подлинно, «отступает Время историческое и космическое и переходит во внутреннее время» (Н.Бердяев). Павел Корин писал: «Мои персонажи... составляют часть того громадного жизненного сдвига, в который мы попали и который еще не завершен, и Бог знает, когда завершится». Опосредованно в работах художника дается нравственная оценка совершаемых социальных преобразований и сдвигов. Опосредованно ставится вопрос - какой ценой, какими жертвами строят власть имущие «новый мир».

Искусство, по убеждению мастера, не должно пресмыкаться у тронов, не должно пребывать в прокурорских судилищах. Но ставить вопросы и давать свой ответ - его неоспоримый долг и право. И основное мерило - одно, ныне и присно и во веки - каково отношение к человеку? Как соотносятся благие намерения и результат, и судьбы простых людей?

Художник вершил свой труд и думал о картине «Реквием». Он желал, чтобы звучала в ней трагическая мощь песнопения в час выноса креста из собора, когда мерно гудит колокол и поет хор - «Святый Боже!» «Этот стон и пафос должен быть!» - записывает в «Дневнике».

В мастерской «Этюды» к «Реквиему» таинственным путем соотносятся с огромным (5 x 9 м) туго натянутым, чистым холстом. Это - поле битвы Павла Корина с XX веком. Это - картина «Реквием», так и не начатая. Но исполнен долг. И трагедийная сила «Этюд» говорит о героизме духовного противостояния. И снежная белизна возвышающегося надо всем в мастерской, туго натянутого холста несет в себе всю бесконечность времен и пространств, всю неизреченность замыслов и свершений.

Все вместе - и «Этюды» к «Реквиему», и нетронутый кистью громадный холст - образуют завершенное, пластическое и пространственное целое. Это - «соборное послание» художника России, человечеству.